

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОММУНИКАЦИИ

УДК7.01(092); УДК070

Н. В. Цветкова

«ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ» В ЖУРНАЛИСТКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. П. ШЕВЫРЁВА («МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК» И «МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ»)

Впервые в современной науке анализируется «эстетический гуманизм» С. П. Шевырёва как основополагающее начало в его журналистской работе в период «Московского вестника» и «Московского наблюдателя» (1835–1837) в качестве поэта, критика, теоретика литературного дела.

Ключевые слова: «эстетический гуманизм», «Московский вестник», «Московский наблюдатель» (1835–1837), теория литературного дела.

N. V. Tsvetkova

“AESTHETIC HUMANISM” IN S. P. SHEVYRYEV’S JOURNALISM ACTIVITY (“MOSKOVSKIY VESTNIK” AND “MOSKOVKIY NABLUDATEL”)

For the first time in contemporary researches S. P. Shevyryev’s “aesthetic humanism” is studied as the fundamental concept in his journalism activity during his work as a poet, critic and literature theorist in “Moskovskiy Vestnik” and “Moskovskiy Nablyudatel” (1835–1837).

Key words: “aesthetic humanism”, “Moskovskiy Vestnik”, “Moskovskiy Nablyudatel” (1835–1837), literary theory.

После смерти С. П. Шевырёва в 1862 году друг Пушкина П. А. Вяземский писал: «Я очень любил и уважал Шевырёва, и высоко ценил его способности и дарования. Едва ли он не один был между нами настоящий home letters, по разнообразным своим сведениям, по прилежности и постоянству его в литературных трудах и вообще по всей жизни, которую он исключительно посвятил литературе» [10, с. II].

В этих словах нет преувеличения: «Шевырёв оказывается рано в самом центре московской литературной жизни. В 1825 г. он помогает М. П. Погодину издавать альманах «Урания». В 1827 г. он участвует в издании журнала «Московский вестник». При этом он принадлежит к тем главным сотрудникам журнала, с обязательного одобрения которых публиковались все статьи и материалы» [14, с. 79]. Он и в дальнейшей своей жизни занимался литературным трудом, деятельно участвуя в качестве поэта, критика и теоретика литературы в таких журналах, как «Московский наблюдатель» (1835–1837) и «Москвитянин» (1841–1856). С конца 20-х гг. он вел полемику с официозной газетой «Северная пчела» Ф. Булгарина и Н. Греча, в 30-х — с так называемым «торговым направлением» в литературе и журналистике, которое олицетворяли журнал О. Сенковского «Библиотека для чтения» и романы Булгарина. Как славянофил, в 40-е гг. Шевырёв — участник полемики с западническими «Отечественными записками» и В. Белинским, что определило его репутацию как реакционера на долгие годы.

В 80-е гг. прошлого века замечено, что «миросозерцание Шевырёва не подвергалось существенным изменениям на протяжении его жизни <...> круг самих проблем, опорные категории мышления — «координаты», в которых «измерялись» конкретные явления, оставались постоянными» [16, с. 10]. Однако твердое религиозное мировоззрение Шевырёва и его новые общественные предпочтения в конце 30-х гг. все же повлекут за собой изменения в области эстетики, методологии критики и филологической науки, скажутся в журналистской деятельности. Совсем не случайно в советское время существовало четкое разграничение на «раннего» Шевырёва, талантливого и заметного журнального деятеля, и «позднего» — «педанта» и реакционера. На примере друга Шевырёва И. Киреевского В. В. Зеньковский объяснил подобное изменение, происходящее с ним с конца 30-х гг., со времени формирования славянофильства, как поворот от «эстетического гуманизма» к «христианскому».

В настоящей статье мы обращаемся к «эстетическому гуманизму» — одной из «опорных категорий мышления» Шевырёва, обусловившей его понимание теории искусства и многое определившей в его литературно-критической деятельности до конца 1830-х гг., до его сотрудничества в «Москвитяине», что не являлось предметом исследования до настоящего времени. Хотя в последнее десятилетие интерес к личности Шевырёва и его трудам в разных областях: в истории и теории русской литературы, культуры, общественного движения и т. д. достаточно живой [1, 2, 9, 17, 18, 2–24, 26, 28–30].

Термин «эстетический гуманизм» принадлежит В. В. Зеньковскому как определение того отношения поэтов, писателей, критиков и теоретиков литературы, участников литературного дела в России начала XIX века к творчеству, основу которого составило учение Шиллера о Schone Seele. Близкими этому эстетико-педагогическому учению русский философ назвал Жуковского, Карамзина, Любомудров (Д. Веневитинова и И. Киреевского). Зеньковский писал, что для Карамзина и Жуковского, «для русского сентиментализма <...> чрезвычайно существенным является его эстетизирующий характер. Здесь имели место западные влияния (в особенности Шефтсбери, который впервые в западной философии сближает моральное чувство с эстетической сферой, что нашло свое выражение в известном учении Шиллера о Schone Seele» [6, т. I, ч. 1, с. 134–135]. Историк русской философии доказывает, что у обоих «эстетический момент органически слит с их гуманизмом» [6, т. I, ч. 1, с. 135]. Шевырёву, как Карамзину и Жуковскому, которых он любил и испытывал к ним пиетет всю жизнь, «было близко сближение эстетической и моральной сферы у Шиллера — идеал Schone Seele». Близким Шевырёву было также «усвоение религиозного смысла искусства» [6, т. I, ч. 1, с. 138], что свойственно Жуковскому.

Шевырёв, подобно участникам Дружеского общества, к которому принадлежали Жуковский, братья Тургеневы, Мерзляков, почитаемый им преподаватель Московского благородного пансиона, «определяет свой жизненный идеал «по Шиллеру» <...>» [4, с. 30]. В этом учении самым важным был пафос самосовершенствования личности, а главные составляющие — нравственная воля субъекта и его эстетическое воспитание

Такой вывод вытекает из шиллеровской работы «О грации и достоинстве», которая «раскрывает «понятие «прекрасной души» («die schone Seele»), ставшее популярным в романтическую эпоху. <...> Шиллер видит в «прекрасной душе» природную спонтанность, побуждаемую непосредственностью красоты. Это благодатная

душа, гармонизирующая «инстинкт» и «моральный закон» [25, с.19]. Исследуя учение Шиллера, современная исследовательница пишет о том, что, по мысли немецкого поэта, «человек должен наложить на свои склонности закон своей воли, он должен научиться благороднее желать. Этого можно достигнуть путем эстетической культуры, все подчиняющей законам красоты, которую Шиллер понимал как наше состояние и наше действие одновременно. Красота оказывает на человека гармонизирующее действие, не столько приводя в равновесие, сколько объединяя его обе природы, соединяя противоположные состояния чувствования и мышления. В результате этого соединения противоположность исчезает и возникает новое состояние эстетического человека, происходит возвышение человека со ступени чувственности на ступень разумности. При этом красота является не только необходимым, но и единственным условием этого возвышения» [11]. Таким образом, самосовершенствование человека, по твердому убеждению русских почитателей Шиллера, возможно с помощью эстетического воспитания, а следовательно, и эстетического образования.

Для Шевырёва и его друзей эстетика стала важнейшей областью приложения их ума и таланта. Она зарождается и интенсивно развивается в кружке Любомудров, которые стараются соединить ее с немецкой философией. Благодаря их усилиям в России возникает мощное направление философской эстетики, представители которой Д. В. Веневитинов, И. В. Киреевский, С. П. Шевырёв [15] дали для своего времени оригинальные и глубокие оценки творчества их современников, например, Пушкина.

Зеньковский замечал, что для Любомудров Д. Веневитинова и И. Киреевского «философия возбуждала надежды, далеко выходящие за пределы ее возможностей, от нее ожидали не столько ответа на теоретические запросы ума, сколько указаний на то, как разрешить вопросы жизни. Это не было устранение теоретических проблем, а была потребность целостного синтеза, аналогичного тому, какой дает религия. Потому-то философия и становилась главным проводником творческих исканий, что она воспринималась, как секулярная замена церковного мировоззрения» [6, т. 1, ч. 1, с. 118–119]. По мысли философа, у них «в философских исканиях значительное место принадлежало запросам чувства (<...> преимущественно, эстетического)» [6, т. 1, ч. 1, с. 118–119]. Однако последний вывод актуален как в отношении к Веневитинову и Киреевскому, так и Шевырёву, который выразил это в своих стихах и критических статьях, программных для «Московского вестника», в переводах драм Шиллера и даже сочинений теоретического характера.

В 1826 году он со своими друзьями-любомудрами В. П. Титовым и Н. А. Мельгуновым участвовал в переводе теоретического сочинения В. Г. Вакенродера под названием «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного», которое было посвящено вопросам эстетики. Из него Шевырёв принимает единственно возможные для него представления об искусстве, которое «раскрывает нам сокровища человеческого духа, направляет наш взор внутрь себя и в человеческом образе показывает <...> все благородное, великое, божественное» [3, с. 68]. А. В. Михайлов отметил, что «идеи Вакенродера, Тика, Фр. Шлегеля», любимые Шевырёвым, «легли в основу эстетики так называемой «назарейской» школы немецкой романтической живописи» [19, с. 252], с представителями которой он мог сблизиться в Риме в 1829–1832 гг. Назарейцы «подчеркивали ценность церковного искусства Средних веков» [5, с. 41].

В середине 20-х гг. Шевырёв написал стихотворение «Звуки (К N. N.)», запечатлев в нем дорогой ему образ творца, в котором происходит органическое сли-

яние «дара искусства» и «души ангела». В 1827 году в журнале «Московский вестник» опубликовано другое его стихотворение «Журналист и злой дух», по словам Е. А. Маймина, «установочное для журнала». «Журналист, по Шевырёву, должен быть «апостолом знания», он дышит «чистым воздухом просвещения». Шевырёв говорит в стихотворении о собственном идеале и идеале своих литературных друзей. Он говорит о самом для себя близком, но это близкое для него находится в сфере литературы и литературных дел» [14, с. 84]. Стихотворение, содержащее идеи «эстетического гуманизма», таким образом отражает программу «Московского вестника».

Этим идеям он был верен и в области эстетики, когда опубликовал в «Московском вестнике» (1827) «Разговор о возможности найти единый закон для изящного», и в области полемики, когда разоблачал здесь «Северную пчелу» Булгарина и Греча, и в области критики, когда уже в 1830-е гг., как замечает В. А. Мартынов, подобно И. В. Киреевскому, «выходит к одному из высших достижений романтической теории искусства — к пониманию критики не как «суда», но как «простого свидетельства», к принципу, вытекающему из романтического представления о неустранимости личного, субъективного начала из человеческого отношения к искусству» [16, с. 15].

Идеал «эстетического гуманизма» составляет основу литературной деятельности Шевырёва конца 20-х годов. Так, в 1828 г. в неопубликованной статье «Биография Шакспира и всеобщий взгляд на отличительный характер его гения» он называет его «писателем совершенно нравственным», который «умел, внушая нам ненависть к злодейству, отдаляющему преступников от человечества, снова возбуждать к ним сострадание, возвращая их нам силою упреков совести» [31, с. 219]. В таком объяснении феномена Шекспира Шевырёв выявляет истину: гений — явление органичной нравственности. Для него так же, как и для Пушкина, «гений и злодейство — две вещи несовместные». Шевырёв говорит о нравственном воздействии шекспировской эстетики на реципиента как о самом важном и современном.

Для критика «Московского вестника» воспитание читателя-современника — это и эстетическая и этическая проблема. В статье «Обозрение русской словесности за 1827-й год» он не только делает глубокие выводы о движении Пушкина, создателя «Цыган» и первых глав «Онегина», к самобытности, но и полемизирует с теми, кто требовал от поэта «существ чисто нравственных, образцов добродетели». Критик напоминает, «что не дело поэта преподавать уроки нравственности». При этом он объясняет основное кредо «эстетического гуманизма». Задача поэта — создать «впечатления», которые бы «привели душу в желанное согласие». В таком случае «они изящны, и поэт совершил свое дело». «Если иногда таковые впечатления производят действие нравственно злое на душу человека, не поэта обвиняйте <...>, но обвиняйте нечистую душу, нечисто принимающую сии впечатления» [29, с. 83]. Для Шевырёва важно восприятие реципиентом эстетических достоинств и этических смыслов истинного творчества, в результате которого он становится ближе к идеалу «прекрасной души».

В своем объяснении нравственного воздействия искусства на зрителя и читателя Шевырёв близок Аристотелю. Однако как человек иной эпохи он связывает понятие «катарсис» с проявлением человеческого духа, с верой. В дневнике, который он вел во время первого пребывания за границей в 1829–1832 гг., есть запись, как нужно понимать нравственное в искусстве: «Идею, духовным значением ясным, очевидным должно отличаться произведение человеческое в высоком смысле от про-

изведения судьбы. И произведения судьбы и природы только тогда переходят в мир человеческий, когда эту идею уловить в них можно. Вот точка, с которой надо разбирать нравственную цель в искусстве» [28, с. 267]. Таким образом, Шевырёву важна «нравственная цель в искусстве» — качество, составляющее основу «эстетического гуманизма» и соединенное с «духовным значением», что было свойственно В. А. Жуковскому [7, 8, 32] и что в течение всей жизни сближало с ним Шевырёва.

Во время пребывания за границей (1829–1832) он все серьезнее убеждается в этих началах. Он готовит себя к творчеству, к журналистике, вообще к литературному делу, занимаясь созданием стихов и трагедии «Ромул», многочисленными переводами, обращается к критике, создавая ее методологию. Шевырёв думает и о филологической науке России: живя в Италии, серьезно занимается филологическими штудиями, стремится создать «эстетику для русских» «в порядке историческом», обращается к интерпретации текстов Гомера, Данте, Шекспира [27]. И если в это время в области теории литературы он старается расстаться с традициями философской эстетики, то его отношение к представлениям о творце, чистом сердцем и духом, и о творении, несущем очищение душе и духу, остается неизменным. Такому представлению отвечает гений, каковым, по Шевырёву, в Англии является Шекспир, в Италии Данте, в Греции Гомер, в России Пушкин.

Многие страницы дневника позволяют более глубоко понять «эстетический гуманизм» Шевырёва-журналиста, его критические статьи в «Московском вестнике» и «Московском наблюдателе». Так, самое глубокое впечатление в Италии Шевырёв испытывает от чтения в подлиннике текстов Шекспира, тем более что этическая глубина трагедий позволяет ему разрешить некоторые проблемы эстетики. Например, по прочтении «Макбета» он приходит к убеждению, что «ужасное может быть допущено в мир изящного только под условием нравственного удовлетворения, которое и уравнивает душу. Вот лучшее доказательство связи изящного с нравственным» [28, с. 300]. Тексты трагедий Шекспира настолько поражают воображение критика и теоретика литературы мудростью и трагизмом, просветленным состраданием, органической нравственностью, что он готов из них составить свод «нравственных уроков, глубоко на дне жизни подчерпнутых» [28, с. 280].

Совсем иное впечатление вызывает у Шевырёва роман «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго. Записи дневника отражают его эмоциональное потрясение от одного из крупнейших произведений «неистовой словесности» Франции. 11 октября 1831 года он с явным желанием нравственно уничтожить Гюго пишет: «Notre Dame de Paris». Виктор Гюго есть поэт Большой клоаки Римской, или лучше, все канавы и нужники парижские — вот стихия его поэзии <...> Калеки, прокаженные, гнойные, все уроды нравственные и физические суть его герои» [28, с. 298–299].

М. И. Медовой считает, что у Гюго «именно дух протеста, поразительная близость к жизни действительной возмущали Шевырёва, хотя он отмечает и недостатки в отделке романа». Однако скорее всего трогает русского критика не столько «близость к жизни действительной», сколько то, что сразу не приняли в романе своего соотечественника Ламартин и Сент-Бев, которые «упрекали автора в отсутствии в его романе умиротворяющего, религиозного начала» [18, с. 590]. Это, несомненно, очень близко Шевырёву, отметившему в дневнике: «Всюду видно неуважение к религии, к церкви, к святой деве. В благоустроенном государстве <...> за подобные сочинения, как за преступления, будут казнить, ибо эта книга посеет более злых семян и злых

впечатлений, чем какое-нибудь черное злодейство, может быть, очищенное внутренним раскаянием» [28, с. 299]. Как педагог, просветитель и государственный человек, каким Шевырѐв был уже в 25 лет, он опасается самого дурного нравственного воздействия романа Гюго на читателя.

И трагедии Шекспира, и роман Гюго позволяют Шевырѐву составить собственные представления в области ужасного и нравственного в искусстве. Ужасное — это сцены казни Квазимодо, ведения на казнь Эсмеральды, описание «пытки всех благородных чувств человеческих» в душе ее матери. В романе Гюго ужасное соединяется с уродливым, например, в сцене казни Квазимодо.

По наблюдениям Шевырѐва, у Гюго, в отличие от Шекспира, ужасное содержит в себе безнравственное начало. Например, в сцене, когда «чувство матери ... на какую пытку ужасную направлено! Это же мать радуется смерти дочери!» [28, с. 301–302] (подлинник по-французски — Н. Ц.). Совершенно иное, чем у Шекспира, изображение ужасного в романе Гюго несет реципиенту и совсем иное впечатление. В нем нет, по словам Шевырѐва, «гармонии, которая необходима для изящного» [28, с. 300], гармонии, возникающей по завершении чтения трагедии в результате испытанных страха и ужаса. Отсутствие этического в романе Гюго Шевырѐв объясняет особенностями его человеческой и творческой индивидуальности. Критик не сомневается в том, что «у Гюго есть воображение, и сильное, но как и где оно воспитано!» [28, с. 301]. Не принимая воображения, в котором отсутствуют Бог и вера, Шевырѐв не принимает рожденного таким воображением романа. Фантазия В. Гюго — порождение и отражение потрясений революции и вызывает неприятие верующего и консервативного Шевырѐва.

Постоянное обращение к проблеме нравственного и духовного воздействия искусства в период пребывания в Италии сближает Шевырѐва с художниками «назарейской» школы романтической живописи — молодых немцев, глубоко верующих, следовавших «эстетике Шлегеля, книге В. Г. Вакенродера и Л. Тика», подчеркивающих «религиозную природу искусства» [5, с. 41]. Симптоматично, как замечает Р. Джулиани, что с этими художниками в 30–40 гг. связаны и друзья Шевырѐва Жуковский и Гоголь.

Для Шевырѐва и в середине 1830-х гг. идеи «эстетического гуманизма» важны и обуславливают его отношение к состоянию современной литературы, журналистики и ее творцам: поэтам и писателям, критикам, журналистам, книгопродавцам. Наличие твердых этических начал в современной культуре для критика — самый важный критерий, определяющий его восприятие современного литературного и журнального дела, о чем он скажет в 1835 году в программных статьях журнала «Московский наблюдатель»: «Словесность и торговля» и «О критике вообще и у нас в России». В современности Шевырѐва тревожит процесс коммерциализации литературы: массовая литература и шире — массовая культура, вытесняют истинное искусство, которое воплощает вечные эстетические и этические ценности.

В названных статьях «Московского наблюдателя» проблема обращена к участникам литературной жизни: литератору, книгопродавцу, критику. Единственную возможность не допустить укрепления и развития низкопробной литературы он видит в этической ответственности каждого, кто участвует в литературном и журнальном деле: «Благородная задача Литератора состоит в том, чтобы свой успех, <...> не только согласить, но и подчинить нравственному успеху общества. Благородная за-

дача Книгопродавца <...> — в том, чтобы согласить сбыт с успехом образования» [20, 1835, 1, с. 25], «благонамеренная критика» должна быть «дельной, честной, произвольной» и иметь научные основы. Даже имя литератора он оценивает как средство «личной человеческой честности автора» [12, с. 369], отвергая аноним и псевдоним, которыми так охотно пользовался О. Сенковский.

В эти годы в одном ряду с Сенковским для Шевырёва стоит Ф. Булгарин, о котором в дневнике (1829–1832) сказано: «Булгарин — не русский. Он всем нациям принадлежит. В нем нет чувства чести» [28, с. 198]. Негативное восприятие личности Булгарина в дневнике сквозь призму «эстетического гуманизма» сочетается с разоблачающей критикой его романов, которые, по Шевырёву, ориентированы на вкус массового читателя и в этом качестве близки «неистойовости» Франции — произведениям Гюго, Сулье, Жанена. Так в «Московском наблюдателе» Шевырёвым объединяются проблемы «массовой литературы» и нравственности в литературе и шире — в искусстве.

О последней писал Ю. М. Лотман: «Вопрос о праве литературы на обличение общественных пороков, о природе зла и законах его изображения в литературе стоял в конце 1830-х — начале 1840-х гг. очень остро. Романтизм с его поэтизацией зла <...> вообще снимал вопрос о моральной оценке героя. Это давало основание консервативным критикам романтизма обвинять его в проповеди безнравственности» [13, с. 209]. По этой причине консервативный Шевырёв не мог принять крайностей французского романтизма, возмущался преувеличением как господствующей чертой творчества В. Гюго: «Виктор Гюго есть главный представитель этого национального стремления Франции: его поэзия есть вогнутое зеркало, где исказилась поэзия Шекспира, Гете и Байрона ...» [20, 1835, IV, с. 620–621].

С возмущением Шевырёв также писал в журнале о Ж. Жанене, называя его «символом литературы французской», а его творчество — «плодом соединения литературы французской с торговлею», разбирая его книгу «Романы, сказки и повести литературные или история поэзии и словесности у всех народов», в которой с беспринципной откровенностью заимствовались разные материалы и подробности из Ламартина, Шатобриана, барона де Саси, что часто отмечалось критиком и в стиле Сенковского. Обостренное отношение к книге Жанена у Шевырёва обусловлено тем, что он в это время работал над своими научными сочинениями: «История поэзии» (1835) и «Теория поэзии» (1836), в которых создавал свою методологию русской филологической науки.

В одной из статей журнала «Московский наблюдатель» Шевырёв выразил положительный идеал современной литературы, соответствующий концепции «эстетического гуманизма»: «У нас литературные произведения не всегда должны быть верным списком действительности: я желал бы в них побольше идеального, для того чтобы подвигать нашу действительность...» [20, 1836, VI, с. 84]. Кто из писателей и какие произведения современной литературы отвечали такому идеалу?

В рецензии на сборник «Миргород» Н. В. Гоголя он, высоко оценив комический дар писателя и оригинальность его фантазии, восторженно отозвался о повести «Тарас Бульба»: о «печати народности, лежащей на ней, о «дивном типе запорожца», о сцене казни Остапа и трагедийности характера главного героя, выразившейся в слове «слышу» [20, 1835, I, с. 407]. В «Тарасе Бульбе» Шевырёв увидел любимое им и искомое в современности изображение высокого и идеального героя и его подвига,

отнесенное в историю. Любимым творцом высокого и вечного для него является и Пушкин, разбирая философские стихи («Была пора...»), «Отцы-пустынники и жены непорочны...», «...Вновь я посетил...») которого Шевырёв приходит к выводу о том, что «истинный поэт и человек бывают нераздельно слиты, что истинная поэзия может понимать религию как дочь, прекрасная душою и телом, всегда понимает мать, ее воспитавшую» [20, 1837, XII, с. 314]. Эти выводы о личности и творчестве Пушкина Шевырёв будет развивать с конца 30-х и в 40–50-е гг., когда «эстетический гуманизм» трансформируется в «христианский» и когда Шевырёв глубоко разделяет философско-религиозные искания в творчестве Гоголя («Портрет») и И. Киреевского, в современности видящих «путь к обретению утраченной цельности, т.е. путь господству в нас «внутреннего средоточия», — в «собрании» сил души» [6, т. 1, ч. 2, с. 15].

Литература

1. Алексеева Е. Д. С. П. Шевырёв в общественной жизни дореволюционной России. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006.
2. Бознак О.А. Литературно-критическая деятельность С. П. Шевырёва 1840–1850-х гг. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
3. Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве. М.: Искусство, 1977.
4. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб.: «Наука», 1994.
5. Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / Пер. с итальянского А. Ямпольской. М., 2009.
6. Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. и 4 ч. Л.: «Эго», 1991.
7. Канунова Ф. З., Айзикова И. А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840 гг.). Новосибирск, 2001.
8. Канунова Ф. З., Айзикова И. А., Никонова Н. Е. Эстетика и поэтика переводов В. А. Жуковского 1820–1840-х гг.: проблемы диалога, нарратива, мифопоэтики. Томск: Изд. Томск. ун-та, 2009.
9. Лаппо-Данилевский К. Ю. Шевырёв и Винкельман // Русская литература. 2002. № 2, 4.
10. Лекции о русской литературе, читанные в 1862 году в Париже С. П. Шевырёвым. СПб., 1884.
11. Лобанова Л. П. Фридрих Шиллер. «Прекрасная душа». [Электронный ресурс]: URL: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/41449.php> 27.09.2009.
12. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992.
13. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988.
14. Маймин Е. А. Русская философская поэзия. М.: Наука, 1976.
15. Манн Ю. В. Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969.
16. Мартынов В. А. С. П. Шевырёв и русская литературная критика 1820–1830-х гг. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
17. Мартынов В. А. Эпизод из жизни «русской идеи»: С. П. Шевырёв. Омск: Изд. Ом. гос. ун-та. 2011.
18. Медовой М. И. «Вечно обязан Риму» // Шевырёв С. П. Итальянские впечатления. СПб.: Академический проект, 2006. С. 5–46.
19. Михайлов А. В. Комментарии к: Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве. М.: Искусство, 1977.
20. Московский наблюдатель (1835–1837).
21. Молодых Д. Д. Жанр жития и его интерпретация в историко-литературных курсах

- С. П. Шевырёва. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пенза, 2008.
22. Песков А. М. У истоков философствования в России: русская идея С. П. Шевырёва // Новое литературное обозрение. № 7. М., 1994.
 23. Петров Ф. А. С. П. Шевырёв — первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М., 1999.
 24. Ратников К. В. С.П. Шевырёв и русские литераторы XIX века. Челябинск, 2003.
 25. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 4. От романтизма до наших дней. ТОО ТК "Петрополис", Санкт-Петербург, 1997. Перевод С. Мальцевой. Научный редактор Ю. А. Кимелев.
 26. Топоров В. Н. О стихотворении Шевырёва « [Пушкину]» и античной параллели к нему // Лотмановский сборник. 2. М., 1999.
 27. Цветкова Н. В. С. П. Шевырёв — критик, историк и теоретик литературы (1830-е годы) : Монография. Псков, 2008.
 28. Шевырёв С. Итальянские впечатления. СПб.: Академический проект, 2006.
 29. Шевырёв С. П. Об отечественной словесности / С. П. Шевырёв; Сост., вступ. ст., коммент. В. М. Марковича. М.: Высш. шк., 2004.
 30. Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель и коммент. Е. Ю. Филькиной. М., 2009.
 31. Шекспир и русская культура. М., Л., 1965.
 32. Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск: Изд. томск. ун-та, 1985.